

Кто не знает чилийского леса — не знает нашей планеты. На этих землях, на этой почве родился я, из этого молчания я вышел в мир, чтобы странствовать по нему и петь.

Пабло Неруда. Признаюсь: я жил. Воспоминания
(Перевод Л. П. Синянской, Э. В. Брагинской,
П. М. Грушко)

Он хочет крови. Кровь смывают кровью. Преданье есть: сходили камни с мест, деревья говорили...

У. Шекспир. Макбет, акт III
(Перевод Б. Пастернака)

Остров

Давным-давно, в незапамятные времена, на краю Средиземного моря лежал лазоревый остров такой неземной красоты, что влюбившиеся в него путешественники, пилигримы и крестоносцы не желали оттуда уезжать, а кое-кому даже хотелось привязать остров канатами, чтобы отбуксировать в свою страну.

Впрочем, все это, возможно, легенды.

Но легенды на то и существуют, чтобы поведать нам то, о чем забыла история.

Прошло много лет с тех пор, как я навсегда покинула это райское место на борту самолета, в чемодане из мягкой черной кожи. С тех пор меня удочерила другая страна, Англия, где я росла и цвела пышным цветом. Но не было и дня, чтобы я не мечтала вернуться. Домой. На свою родину.

Моя родина, должно быть, все еще там, где я ее оставила: среди пенистых волн, бьющихся о рваную береговую линию. На пересечении дорог трех континентов — Европы, Африки, Азии — и Леванта, обширного непроходимого региона, бесследно исчезнувшего с современных карт.

Карта — это двумерное представление с произвольно нанесенными символами и врезанными линиями, призванными решать, кто будет нашим врагом, а кто — другом, кто заслуживает нашей любви, кто — ненависти, а кто — безразличия.

Картография — еще одно название для историй, рассказываемых победителями.

Для историй, рассказываемых проигравшими, названия нет.

Вот что я помню: золотые пляжи, бирюзовые воды, прозрачные небеса. Каждый год морские черепахи выползали на сушу, чтобы отложить яйца в рыхлом песке. Предвечерний ветер разносил ароматы гардении, цикламенов, лаванды, жимолости. Исполненные надежд, словно истинные мечтатели, развесистые плети глицинии карабкались по беленым стенам домов, пытаясь дотянуться до облаков. Когда ночь покрывала тебя поцелуями, в ее дыхании чувствовался запах жасмина. Ласковая луна, нависавшая над крышами домов, озаряла ярким, живым светом переулки и мощеные улочки. И все же мрачным теням удавалось просочиться сквозь свет. Тревожные, заговорщицкие шепотки пульсировали в темноте. Ведь остров был расколот на две части: северную и южную. И в каждой был другой язык, другой алфавит, другая память, и когда островитяне молились, то чаще всего разным богам.

Столица была разделена буферной зоной, разрезавшей город подобно ране на сердце. Вдоль демаркационной линии виднелись изрешеченные пулями ветхие дома, перепаханые взрывами гранат дворы, обреченные на разрушение заколоченные лавки, криво висевшие на сломанных петлях узорчатые ворота, ржавевшие под слоем пыли роскошные старые автомобили. Дороги были заблокированы мотками колючей проволоки, мешками с песком, бочонками с цементом, противотанковыми рвами и сторожевыми вышками. Улицы резко заканчивались, словно оборванные мысли и не нашедшие выхода чувства.

Солдаты с автоматами совершали патрулирование или несли охрану демаркационной линии: молодые, скучающие, одинокие мужчины из самых разных уголков мира, которые почти ничего не знали об острове и о его сложной истории, пока их не швырнули в это непривычное окружение. Все стены заклеены официальными предупреждениями, написанными яркими прописными буквами.

ПРОХОД ВОСПРЕЩЕН.
НЕ ПОДХОДИТЬ. ЗАПРЕТНАЯ ЗОНА!
ФОТО- И КИНОСЪЕМКА ЗАПРЕЩЕНЫ.

Какой-то прохожий, нарушив закон, написал мелом на баррикаде из бочек:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА НИЧЬЮ ЗЕМЛЮ!

Линия раздела, пересекающая Кипр от края до края, — патрулируемая миротворческими силами ООН буферная зона сто десять миль длиной; в одних местах ее ширина составляет четыре мили, а в других — всего-навсего несколько ярдов. Она проходит через заброшенные деревни, внутренние районы побережья, болота, залежные земли, сосновые леса, плодородные долины, медные рудники и археологические раскопки, изменяя свое направление, словно высохшее русло древней реки. Но линия эта пересекала и окружала столицу, где становилась гораздо заметнее, ощутимее и, таким образом, навязчивее.

Никосия — единственная разделенная столица в мире.

При таком описании это кажется вполне позитивной вещью: есть тут нечто особенное, если не уникальное, ощущение вызова законам притяжения, будто одинокая песчинка, устремленная вверх в перевернутых песочных часах. Но на самом деле Никосия

вовсе не являлась исключением. Просто еще одно название в списке сегрегированных и разделенных обществ, ушедших в историю, и тех, кто на очереди. Хотя в тот момент Никосия стояла особняком. Последний разделенный город Европы.

Мой родной город.

Существует масса вещей, для которых граница, даже такая четко очерченная и хорошо охраняемая, как эта, не является препятствием. Это пассатные ветры, на удивление сильные, но получившие тающие на языке названия: *мельтем* или *мельтеми*¹. Это бабочки, кузнечики, ящерицы. Улитки, хотя и болезненно медлительные. Ну и время от времени детский воздушный шарик, который, вырвавшись на свободу, взмывает высоко в небо и перелетает на вражескую территорию.

А еще птицы. Голубые цапли, черноголовые овсянки, осоеды, желтые трясогузки, дымчатые пеночки, нубийские сорокопуты и мои любимые обыкновенные иволги. Мигрирующие из Северного полушария в основном по ночам, когда темнота сгущается на кончиках крыльев и рисует вокруг глаз красные круги, иволги делают на острове остановку посреди долгого пути, после чего направляются дальше в сторону Африки. Для них остров — это место отдыха, пробел в истории, лагуна.

В Никосии есть гора, где кормятся птицы с самым различным оперением. Она сплошь поросла ежевикой, жгучей крапивой и кустами вереска. Среди густых зарослей прячется старый колодец с прохуdivшимся за ненадобностью и облепленным водоросля-

---

¹ *Мельтем* (тур.), или *мельтеми* (греч.), — регулярный, внезапно начинающийся летний северо-восточный ветер на побережье.

ми железным ведром на веревке. Внутри колодца темно, хоть глаз выколи, и очень холодно даже под палящим полуденным солнцем. Колодец — это прожорливый рот в ожидании пропитания. Он пожирает каждый лучик света, каждую крупицу тепла, удерживая каждую пылинку в своей бездонной каменной глотке.

Если вы случайно окажетесь поблизости и если, ведомые инстинктом или любопытством, нагнетесь над колодцем, посмотрите вниз и дадите глазам привыкнуть, то заметите в глубине колодца загадочный блеск. Но не дайте ему себя обмануть. Там, внизу, нет рыбы. Нет змей. Нет скорпионов. Нет пауков, свисающих на шелковых нитях. Этот блеск исходит не от живого существа, а от старинных золотых (восемнадцать каратов) карманных часов, инкрустированных перламутром и с выгравированными стихотворными строками:

Прибытие написано тебе на роду.
Но путешествуй неспешно...¹

А на задней части часов всего две буквы:

Й и Ю

Глубина колодца — тридцать четыре фута, ширина — четыре фута. Он сделан из уложенных ровными рядами тесаных камней, спускающихся к безмолвным затхлым водам внизу. На дне колодца покоятся двое мужчин. Хозяева популярной таверны. Оба худощавого телосложения, среднего роста, очень лопухие, что служило предметом обоюдного подшучивания. Оба родились и воспитывались на острове, обоим было за сорок, когда их похитили, изувечили и уби-

---

¹ *К. Кавафис*. Итака. Пер. Галины Иззьер.

ли. Сковали одной цепью и бросили в колодец, а для надежности привязали к цепи трехлитровую банку из-под оливкового масла с цементом. Карманные часы, которые были у одного из них при себе в день похищения, остановились ровно в двадцать три часа пятьдесят две минуты.

Время — это певчая птица, и, как и любую певчую птицу, его можно поймать. И держать, точно пленника, в клетке даже дольше, чем хватит воображения. Но время невозможно контролировать до бесконечности.

Никакое заточение не длится вечно.

В один прекрасный день ржавчина от воды проест металл и цепи лопнут, а твердое бетонное сердце смягчится подобно тому, как с годами смягчаются самые твердые сердца. И тогда получившие наконец свободу тела, мерцая в отраженном солнечном свете, всплывут навстречу клочку неба над головой. Они начнут подниматься к блаженной голубизне сперва медленно, а затем быстро и лихорадочно, словно ловцы жемчуга, жаждущие глотнуть свежего воздуха.

Рано или поздно старый полуразвалившийся колодец на одиноком прекрасном острове в дальнем конце Средиземного моря окончательно развалится, и его тайна всплывет на поверхность. Ведь все тайное неизбежно становится явным.

Часть
первая

КАК ЗАКОПАТЬ ДЕРЕВО

Девочка по имени Остров

Англия, конец 2010-х годов

В средней школе Брук-Хилл на севере Лондона шел последний урок года. Классная комната учащихся последнего года обучения. Урок истории. Пятнадцать минут до звонка. Ученики нетерпеливо ерзали в предвкушении рождественских каникул. Все ученики, за исключением одного.

Ада Казандзакис, шестнадцати лет от роду, сидела, как всегда спокойно и сосредоточенно, на своем месте у окна в заднем ряду. Ее волосы цвета полированного красного дерева были собраны в длинный конский хвост. Ее лицо с тонкими чертами было напряжено и вытянуто, а большие карие оленьи глаза говорили о нехватке сна накануне ночью. Она вовсе не предвкушала праздничный сезон, и ее отнюдь не вдохновляла перспектива первого снегопада. Время от времени она украдкой поглядывала в окно, но выражение ее лица при этом оставалось прежним.

Около полудня пошел град; молочно-белые ледяные катышки сбивали с деревьев последние листья, барабанили по навесу для велосипедов, отскакивали от земли, отбивая дикую чечетку. Затем град улегся, но даже невооруженным глазом было видно, что погода решительно испортилась. И вот-вот разразится снежная буря. Утром по радио объявили, что в ближайшие сорок восемь часов Британия окажется в зоне влияния полярного вихря, который принесет с собой аномально низкие температуры, ледяные дожди

и метели. Перебои с водоснабжением, отключение электричества и прорывы основных сетей жизнеобеспечения могли парализовать ряд районов Англии и Шотландии, а также Северной Европы. Люди запасались всем необходимым: рыбными консервами, печеными бобами, пастой, туалетной бумагой, — словно готовились к длительной осаде.

Учащиеся весь день жаловались на непогоду, опасаясь срыва планов на каникулы и предстоящих поездок. Но только не Ада. Девушку не ждали ни семейные сборища, ни экзотические пункты назначения. Ее отец не собирался никуда ехать. У него была срочная работа. Всегда срочная работа. Отец Ады был неисправимым трудоголиком, что мог бы подтвердить любой, кто его знал, а после смерти жены он углубился в свои исследования, подобно норному животному, которое роет подземный ход в поисках тепла и безопасности.

На каком-то этапе своего детства Ада вдруг поняла, что ее отец совсем не похож на других отцов, однако не смогла отнестись с пониманием к его увлечению растениями. Другие отцы работали в офисах, магазинах или правительственных учреждениях и носили хорошо сшитые костюмы, белые рубашки и начищенные черные туфли, тогда как ее отец вечно ходил в непромокаемой куртке, оливковых или коричневых молескиновых штанах и потрепанных ботинках. Вместо портфеля у него была сумка через плечо, в которой лежали самые разнообразные вещи вроде лупы, набора для препарирования, гербарной сетки, компаса и блокнотов. Другие отцы беспрестанно разглагольствовали о бизнесе и пенсионных планах, но отца Ады больше интересовало токсичное воздействие пестицидов на созревание семян или экологические последствия заготовки древесины. Он го-

ворил о пагубном воздействии вырубки лесов с такой страстью, какую другие мужчины приберегали для рассказов о колебаниях курса акций в их личном портфеле. Эколог-эволюционист и ботаник, он опубликовал двенадцать книг. Одна из них называлась «Загадочное королевство. Как грибы сформировали наше прошлое и меняют наше будущее». Другая его монография была посвящена роголистникам, печеночникам и мхам. На обложке художник изобразил каменный мост над ручьем, пенящимся вокруг покрытых бархатистой зеленью камней. Над этой романтической картинкой сияло написанное золотом название: «Справочник по типичным бриофитам Европы». А внизу прописными буквами напечатана фамилия автора: КОСТАС КАЗАНДЗАКИС.

Ада понятия не имела, кто станет читать книги типа тех, что пишет ее отец, и не осмеливалась упомянуть о них в школе. Не хотела давать одноклассникам лишний повод считать ее, Аду, да и всю семью странными.

Независимо от времени суток отец Ады явно предпочитал общество деревьев обществу людей. Он всегда был таким, но мать Ады, когда была жива, умела умерять его эксцентричность, возможно, потому что сама отличалась от других. Однако после смерти матери Ада почувствовала, что отец постепенно отдаляется от нее, а быть может, это она отдалялась от него. Трудно сказать, кто кого избегал в этом доме, пропитанном миазмами скорби. И так, они останутся в Лондоне, они оба, и не только пока длится буря, но и на все Рождество. Ада надеялась, что отец не забыл сходить за покупками.

Она перевела глаза на свой блокнот. На открытой странице, в самом низу, она еще раньше нарисовала бабочку. И сейчас очень медленно обвела крылья, настолько хрупкие, что вот-вот сломаются.

— Эй, у тебя есть жвачка?

Выйдя из задумчивости, Ада повернула голову. Девочке нравилось сидеть сзади, хотя это означало соседство с Эммой Роуз, у которой была отвратительная манера хрустеть костяшками пальцев, постоянно жевать жвачку, что в школе было категорически запрещено, и муссировать никому не интересные, кроме нее, темы.

— Нет. Прости. — Покачав головой, Ада нервно посмотрела на учительницу.

— История — это самый увлекательный предмет, — продолжала говорить миссис Уолкотт; ее уличные туфли стояли за учительским столом, словно для острастки учеников, всех двадцати девяти, ей нужна была баррикада сзади. — Разве можно строить будущее, не зная своего прошлого?

— Ой, терпеть ее не могу! — едва слышно прошептала Эмма Роуз.

Ада не стала это комментировать. Тем более что она не была уверена, кого именно имела в виду Эмма Роуз: ее или учительницу. Если первое, то ей, Аде, нечего сказать в свою защиту. Если последнее, то она не собиралась присоединяться к поношению учительницы. Аде нравилась миссис Уолкотт, которая при самых благих намерениях испытывала некоторые трудности с поддержанием дисциплины в классе. Ада слышала, что учительница несколько лет назад потеряла мужа, и неоднократно представляла себе ежедневную жизнь миссис Уолкотт: как она по утрам вытаскивала свое пухлое тело из постели, поскорее бежала в душ, пока не закончилась горячая вода, рылась в шкафу в поисках подходящего платья, не слишком отличавшегося от вчерашнего подходящего платья, готовила на скорую руку завтрак для своих близнецов, после чего с виноватым лицом и извиняющимися нотками в голосе закидывала их